

строенія мы отрицать не станемъ; неужели, однако, вся вина желѣзно-дорожныхъ и другихъ акціонерныхъ предпріятій заключается въ томъ, что они „вышли изъ моды“? Неужели за ними нѣтъ длиннаго списка всяческихъ грѣховъ, коренящихся, притомъ, въ самыхъ основаніяхъ ихъ устройства? Въ упованія на *мырь*—свойственномъ, впрочемъ, русскому обществу ничуть не больше, чѣмъ многимъ другимъ — есть, безъ сомнѣнія, доля наивности и недомыслія; но мы желали бы знать, существуетъ ли какой-нибудь суррогатъ для „мѣрь“, прискано ли средство обходиться безъ нихъ и все-таки достигать цѣли? Достаточно ли надѣяться, ждать, полагаться на дѣйствіе времени, на медленное, постепенное улучшеніе общественныхъ правъ? Въ виду такихъ событій, какъ кукуевская или тилигульская катастрофа, какъ московская струсбергiада, можно ли утѣшаться мыслью, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ возможность повторенія ихъ исчезнетъ сама собою? Скажемъ болѣе: необходимость *мырь* чувствуется не только въ критическіе моменты банковыхъ банкротствъ или желѣзно-дорожныхъ крушеній, но и при самой заурядной, будничной обстановкѣ. Безъ *мырь* столь же невозможно обезпечить правильность товарныхъ отправокъ на желѣзныхъ дорогахъ, какъ и правильность вексельнаго учета въ частныхъ банкахъ. Безъ *мырь* едва ли мыслимо даже ограниченіе произвола правленій по отношенію къ акціонерамъ — и уже совершенно невозможно ограниченіе его по отношенію къ третьимъ лицамъ. Само собою разумѣется, что *мырь* могутъ быть удачны или неудачны; но возможность частной, всегда поправимой ошибки — не аргументъ противъ принципа, выражаемаго словомъ: *мырь*.

Недовѣріе къ *мырямъ* сдѣлается для насъ болѣе понятнымъ, если сопоставить его съ однимъ изъ возраженій, вызванныхъ закономъ 5-го апрѣля. Этотъ законъ запрещаетъ лицамъ, занимающимъ административныя должности въ одномъ изъ банковъ или обществъ взаимнаго кредита, занимать такія же должности въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, государственныхъ и частныхъ. Газета, возстающая противъ *мырь*, признаетъ *совмѣстительство* „язвой банковаго дѣла“, но вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ запрещеніе его, какъ „ограниченіе правъ акціонерныхъ собраний“; „по настоящему“, замѣчаетъ она, „они должны бы быть совершенно вольны въ выборѣ“. Итакъ, вредный порядокъ долженъ быть удержанъ въ силѣ во имя свободы, во имя правъ акціонерныхъ собраний! Въ какой деклараціи записаны эти права, какому глубокому источнику обязаны они своимъ происхожденіемъ? Мы понимаемъ, что можно говорить о естественныхъ правахъ *человѣка*, но отказываемся вѣрить въ существованіе естественныхъ правъ акціонернаго общества. Права, принадлежащія